

Борис Соколов
bvsokolov@yandex.ru

Boris Sokolov
bvsokolov@yandex.ru

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

MIKHAIL KOLTSOV IN THE WORKS OF MIKHAIL BULGAKOV

В статье доказывается, что Михаил Кольцов послужил одним из прототипов Михаила Александровича Берлиоза в *Мастере и Маргарите*, что было связано, в частности, с кольцовскими антирелигиозными публикациями, возможно, отразившимися в ранних редакциях булгаковского романа, где Берлиоз также носил фамилию Мирцев, вероятно, позаимствованную Булгаковым из повести Н. С. Тихонова *Старатели*. Высказывается гипотеза, что Кольцов был занесен Булгаковым в список своих врагов из-за негативного отзыва на одном из диспутов о пьесе *Дни Турбиных*. Также доказывается, что эпизод разговора Сталина с Кольцовым о револьвере, спровоцированный дневником М. Я. Презента, отразился в последней булгаковской пьесе *Ричард Первый*, которую Булгаков не успел написать из-за болезни и смерти и где прототипом главного героя был шеф НКВД Генрих Ягода. Доказывается, что фельетон Кольцова «Кровавый пес Ягода», наряду со стенограммой процесса «право-троцкистского блока», послужил источником как для *Мастера и Маргариты*, так и для *Ричарда Первого*.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, Михаил Кольцов, *Дни Турбиных*, *Мастер и Маргарита*, процесс «право-троцкистского блока», «Кровавый пес Ягода», журнал *Чудак*, прототип.

The article proves that Mikhail Koltsov served as one of the prototypes of Mikhail Alexandrovich Berlioz in *The Master and Margarita* due to, in particular, Koltsov's anti-religious publications, possibly reflected in the early editions of Bulgakov's novel. There Berlioz also bore the surname Mirtsev, probably borrowed by Bulgakov from the novel by N. S. Tikhonov *Prospectors*. It is hypothesized that Koltsov was included by Bulgakov in the list of his enemies due to a negative review at one of the disputes about the play *The Days of the Turbins*. It is also proved that the episode of Stalin's conversation with Koltsov about the revolver, provoked by the diary of M. Ya. Present, was reflected in the last Bulgakov play *Richard the First*, which Bulgakov did not have time to write because of his illness and death and where the prototype of the main character was the NKVD chief Genrikh Yagoda. It is proved that Koltsov's essay "The Bloody Dog Yagoda", along with the transcript of the trial of the "right-Trotskyist bloc", served as a source for both *The Master and Margarita* and *Richard the First*.

Keywords: Mikhail Bulgakov, Mikhail Koltsov, *The Days of the Turbins*, *The Master and Margarita*, the process of the “right-Trotskyist bloc”; “The Bloody dog Yagoda”, the magazine *Chudak*, prototype.

Михаил Ефимович Кольцов (Моисей Хаимович Фридлянд) (1898–1940) был, пожалуй, самым популярным советским журналистом в 20–30-е годы XX века, хотя сейчас его произведения забыты и практически не переиздаются. А Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940) сейчас в России является самым популярным из русских писателей того же периода. Их жизненные пути пересекались, и можно даже сказать, что Кольцов оказал определенное влияние на творчество Булгакова, хотя для автора *Мастера и Маргариты* он был безусловным антигероем. В булгаковском дневнике фамилия Кольцова впервые упоминается 19 октября 1923 года: «День прошел сумбурно, в беготне. Часть этой беготни была затрачена (днем и вечером) на “Трудовую копейку”. В ней потеряли два моих фельетона. Возможно, что Кольцов (редактор “Копейки”) их забраковал. Я не мог ни найти оригиналы, ни добиться ответа по поводу их. Махнул в конце концов рукой» (Булгаковы 2004: 32). Мы и сегодня не можем ответить на вопрос, справедливы ли были подозрения насчет Кольцова, редактировавшего тогда газету *Трудовая копейка*, а пропавшие там булгаковские фельетоны не найдены до сих пор.

Следующее упоминание имени Кольцова встречается в дневнике Елены Сергеевны Булгаковой (урожденной Нюренберг) (1893–1970), третьей жены Булгакова, 22 апреля 1938 года: «Сегодня был у нас Николай Радлов (художник, друг Булгакова. — Б. С.) и угощал МА такими сентенциями:

- Ты — конченный писатель... бывший писатель... все у тебя в прошлом... Это — лейтмотив. Потом предложение:
- Почему бы тебе не писать рассказы для «Крокодила», там обновленная редакция. Хочешь, я поговорю с Кольцовым?
- Это что-то новое. Какая-то новая манера воздействия на МА»

(Булгаковы 2004: 337).

Поскольку Елена Сергеевна внесла Кольцова в «Список врагов М. Булгакова по “Турбиным”» (Булгаков 2000, 10: 202–203), а писать фельетоны в том стиле, какого требовал советский *Крокодил* конца 30-х годов, Булгаков уже не мог, предложение Н. Э. Радлова не имело смысла. Да и в то время Кольцов, хотя и числился главным редактором *Крокодила*, но делами журнала занимался мало, будучи отвлечен массой других обязанностей. К самому Кольцову Булгаков относился очень плохо, что мы покажем дальше на примере *Мастера и Маргариты*, и наверняка не захотел бы быть ему чем-нибудь обязанным.

Последний раз Кольцов упоминается в дневнике Е. С. Булгаковой 22 декабря 1938 года: «В Москве уже несколько дней ходят слухи о том, что арестован Михаил Кольцов» (Булгаковы 2004: 400). Эти слухи абсо-

лютно соответствовали действительности, поскольку Кольцов был арестован 13 декабря 1938 года прямо в редакции газеты *Правда*, членом редколлегии которой он состоял. О реакции Булгакова на это событие ничего неизвестно. А вот о его отношении к Кольцову хорошо говорит то, прототипом каких персонажей послужил Кольцов в романе *Мастер и Маргарита* и в неоконченной булгаковской пьесе *Ричард Первый*, от которой сохранился только один набросок и записи воспоминаний Е. С. Булгаковой.

Возможно, Елена Сергеевна занесла Кольцова в «черный список» именно в связи с булгаковской пьесой *Дни Турбиных* потому, что он выступал на диспуте в театре имени Всеволода Мейерхольда 7 февраля 1927 года, посвященном пьесе Константина Тренева *Любовь Яровая* и пьесе Михаила Булгакова. О его участии в день диспута сообщила газета *Вечерняя Москва*¹. Само выступление Кольцова на диспуте до сих пор не опубликовано, но можно не сомневаться, что, если он там действительно выступил, то добрых слов для булгаковской пьесы не нашел, поскольку Михаил Ефимович видел в ее авторе своего идеологического противника. В *Мастере и Маргарите* Кольцов послужил одним из прототипов такого несимпатичного персонажа как Михаил Александрович Берлиоз.

Фамилия «Мирцев» для Берлиоза впервые появляется в главе 3 «Седьмое доказательство» той редакции романа, которую Булгаков озаглавил «Князь тьмы» и работу над которой он начал весной 1937 года. При этом в главе 1 «Не разговаривайте с неизвестными!» тот же персонаж был еще Берлиозом. В 3-й главе Мирцев именовался Михаилом Александровичем (Булгаков 2006: 304), что очень прозрачно указывало на прототип, но уже в главе 5 «Дело было в Грибоедове» упоминается, что «дом был во владении той самой московской ассоциации литераторов, или Массолит, секретарем которой и был Александр Александрович Мирцев» (Булгаков 2004: 311). Далее до конца редакции Мирцев продолжает также именоваться Александром Александровичем или Сашей. В той же 5-й главе говорится о споре литераторов «по поводу сплетни, пущенной Храмкиной и Избердеем, именно, что Мирцев не случайно попал под трамвай, а бросился под него умышленно, потому что...» (Там же: 313)². Далее мы убедимся, что эта

¹ «Москва — сегодня» 1927: 3. В кратком отчете о диспуте, помещенном 10 февраля в *Вечернюю Москву* (Театр и Кино. «Дни Турбиных» и «Любовь Яровая» 1927: 3) имя Кольцова не упоминается, что не означает, однако, что он там не выступал. В библиографии М. А. Булгакова нет ни одной публикации М. Е. Кольцова под этой фамилией-псевдонимом, где хотя бы упоминалось имя Булгакова. (М. А. Булгаков. *Аннотированный библиографический указатель* 2017: 624). Можно предположить, что негативный отзыв Кольцова о *Днях Турбиных* прозвучал на одном из диспутов. Пока что единственным таким возможным диспутом, где он мог выступить с соответствующей критикой, является диспут в театре имени Всеволода Мейерхольда 7 февраля 1927 года.

² Далее в черновике следовало: «...впал в правый уклон. Прямо и точно сообщая, что все это вранье... Насчет правого уклона категорически заявляю — неправда. Если уж и впал бы Антон Антонович (так здесь именовался Мирцев-Берлиоз. — Б. С.), то ни в коем случае не в правый уклон, а скорее в левый загиб. Но он никуда не впал» (Булгаков 2004: 974, примечание к стр. 313).

сплетня имела под собой некоторую реальную подоснову. В главе 8 «Ошибка профессора Стравинского» Мирцев именуется как «известный редактор и секретарь Массолита» (Там же: 333). Кольцов, как известно, был членом редколлегии *Правды* и редактором журналов *Огонек*, *Чудак*, *Крокодил*, *За рубежом*, и др. Далее в главе 1 «Не разговаривайте с неизвестными!» первой полной рукописной редакции романа, который здесь впервые был назван *Мастер и Маргарита*, Мирцев из Александра Александровича был переименован в Григория Александровича (Там же: 367). Работа над этой редакцией началась во второй половине 1937 года. И уже с середины этой главы секретарь Массолита начинает именоваться Крицким (Там же: 371). А в дальнейшем Булгаков вновь назвал этого персонажа Берлиозом.

Булгаков отказался от фамилии Мирцев для Берлиоза, по всей вероятности, потому, что не хотел, чтобы она прямо указывала на прототипа. В последних редакциях *Мастера и Маргариты*, создававшихся в 1937–1940 годах, писатель стремился по возможности уйти от прямых указаний на прототипы из числа еще живых современников. В эпоху Большого террора это было слишком рискованно, поскольку любой из прототипов мог в одночасье оказаться «врагом народа», и тогда указание на него, даже в случае, если речь шла об отрицательном персонаже, могло оказаться неприемлемым для цензуры. Но в случае с Мирцевым-Берлиозом мог быть еще один мотив. Фамилия Мирцев — литературного происхождения. По всей вероятности, Булгаков позаимствовал ее из повести поэта и писателя Николая Семеновича Тихонова (1896–1979) «Старатели», опубликованной в журнале *Нива* в 1918 году и никогда более не переиздававшейся из-за своей сильной антибольшевистской направленности. Там фамилию Мирцев носит автобиографический герой («мирный») как один из синонимов слова «тихий»), обер-офицер (прапорщик или корнет) драгунского полка и член полкового комитета летом 1917 года. Знакомство Булгакова со «Старателями» не вызывает сомнений, так как в том же № 22 *Нивы* за 1918 год, где была начата публикация тихоновской повести, был опубликован очерк писателя А. В. Амфитеатрова «Вечный странник. Католическая легенда» (Амфитеатров 1918: 344–347). Там, в частности, приводилась легенда о том, как награжденный за свой грех муками бессмертия Понтий Пилат бросается с горы в озеро в Гельвеции (нынешняя Швейцария): «Но умер ли он, — кто знает? Гора с тех пор зовется горою Пилата, а озеро подверглось заклятью. Ужасающие бури волнуют его по ночам, адские тени пляшут на нем. Раз в год появляется на берегу и Пилат, в одеянии судьи. И кто его увидит, умрет» (Там же: 346). В эпилоге *Мастера и Маргариты* Булгаков использовал эту легенду, чтобы показать судьбу Пилата, а также дарованное ему в наказание бессмертие. Не исключено, что Булгаков отказался от фамилии «Мирцев» для председателя МАССОЛИТа потому, что опасался, что Тихонов, поскольку фамилия Мирцев была им придумана, может подумать, что он послужил одним из прототипов этого малосимпатичного персонажа. Николай Семенович в 1930-е годы уже был доста-

точно видным литературным функционером, делал доклад о современной поэзии на I съезде советских писателей, был руководителем Ленинградской писательской организации. Но, в отличие от булгаковского Берлиоза и М. Е. Кольцова, никакого отношения к антирелигиозной пропаганде Тихонов никогда не имел, и его стихи никогда не были антихристианскими и не содержали критики религии.

Кольцов стал прототипом Берлиоза, потому что достаточно активно вел в своих фельетонах и очерках антирелигиозную пропаганду. Так, в очерке «Волга вверх» (1923–1928) звучит настоящий гимн журналу *Безбожник*:

«Рабочие-отпускники, в кружке уписывающие арбуз с хлебом, дают отпор:
— Эта, старый, брось! Бога твоего отменили. Расчет выдали и пачпорт. Чуешь? На-ко, читани «Безбожник», там все расчесали, язви их!

«Безбожник» при общем хохоте летит через головы. Старик плюется и отсаживается от места, где упал журнал.

— Татарам покажите, татарам! Ихнего попа там тоже извели.

Татарин рассматривает в «Безбожнике» муллу, долго ржет и спрашивает, где купить журнал. Рабочие торжествуют:

— Развезло татара! Еще в коммунары запишется!»

(Кольцов 1987: 172)

Отношение же Булгакова к этому пропагандирующему воинствующий атеизм журналу было резко отрицательным. 5 января 1925 года он записал в дневнике:

«Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кошунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены»

(Булгаков 2000, 10: 135).

В фельетоне-передовице 1929 года «О некоторых безбожниках» в связи со Всесоюзным антирелигиозным совещанием Кольцов обращался к пролетариям:

«Вы стоите, и вы требуете.

— Бодрости, бодрости! — кричите вы: — побольше бодрости и здоровья, побольше смелости, веры в свои силы, побольше радости жизни! Это мы или не мы — молодой восходящий класс? Ведь перед нами будущее, сам чёрт нам не брат! Пусть всякие там иеромонахи говорят о царствии небесном, о награде в раю за земные муки; мы должны доказать и докажем, что никакой загробной жизни нет, а жизнь догробная, особенно, если её малость переделать на коммунистический лад — так хороша, что никаких потусторонних дополнений к ней не требуется!

Вы кричите, вы требуете, и вы правы.

Когда, как не в нашу эпоху, можно вести настоящую, убедительную и плодотворную пропаганду против церковных гробокопателей?

Когда, как не сейчас, можно обрубить чёрные крылья ловцов, зацепляющих человеческие души на приманку всяческих религий!

Перед вами мысленно встаёт картина: старый заржавленный поп или раввин, неаппетитно шамкая молитвы, пытается соблазнить слушателей устарелыми баснями о сотворении мира или воскресении Христа, запугать их страшным судом.

А молодой (молодая), сильный(ая), эффектный(ая) комсомолец(лка), победоносно сверкая улыбками, привлечет аудиторию лозунгами борьбы за земную справедливость, за уничтожение классов и всяческого угнетения, покажет рядом блестящих примеров полную бессмыслицу всяких метафизических представлений. Ну, конечно же, победа останется за молодым(ой) материалистом(кой)!

Такова картина, которую вы себе рисуете мысленно. А вот та, которая затем рисуется перед вами уже жизненно.

Она выглядит совсем иначе.

Плохо освещённая комната. На стенах поникли запылённые красные ленты с прошлогодними лозунгами. Медленно собираются люди. Садятся вокруг стола, не снимая шапок. Мрачный сутулый человек в черной рубашке приходит на полчаса позже всех. Всё же он начинает уныло попрекать окружающих — почему они неаккуратно собираются. Нравоучений сутулого человека длинны, тоскливы и прошипигованы угрозами. <...>

Хмурый человек говорит гладко, без знаков препинания. Как псалтырь читает. Слушатели сидят тихо, стараясь не шелохнуться. Только некоторые смельчаки бесшумно выдавливают угри на лбу или, прикрывши рот рукой, выжряют спичками в гнилых зубах.

После лекции о первобытной культуре руковод дополняет её мрачным соусом морально бытовых рассуждений. Яркими красками расписывает он, как обжираются и опиваются верующие люди под руководством служителей культов. Он рассказывает потрясающие вещи о чревоугодии отцов церкви. Об их разврате, о невероятных любовных историях за стенами монастырей мужских и особенно дамских.

Занятный парод, эти попы, что и говорить! И чему они только учат свою паству! Конечно, хороший безбожник не позволит себе заливать за галстук или отяжелить свой желудок пищей, как это делает верующая шпана!

Слушатели не противоречат лектору в черной рубашке. В отдельных местах они даже поощрительно кивают головой. Но великая тоска одолевает их, и от дремоты начинают цепенеть колени. Когда уже выходят они на воздух, унылый лекторский трезвон всё ещё стоит в ушах. Возвращаясь домой, они по дороге ищут, на чём бы успокоиться. Широко и спокойно раскрытые двери большого красивого здания манят их.

В дверях никто не регистрирует и не даёт анкету для заполнения. Торжественное пение встречает входящего. Священник в малиновой рясе исполняет сложный и занятный церемониал. А если дело происходит у баптистов, то иногда звуки фокстрота помогают бодрее двигаться по христианской тропе.

Всем этим мы вовсе не хотим подбить наших безбожников на ношение малиновых френчей и на исполнение фокстротов во время антирелигиозных бесед. Подобное соревнование нас мало соблазняет. Мы не хотели сказать ничего кроме того, что мертвечина и скука, часто присущие нашей работе против церкви и религии, заставляют нас уступать место врагу.

На его стороне часть оказывается советская подвижность, живая занимательность, яркость и даже злободневность подхода к массе. На нашей стороне часто проступают кафедральная тоска, постное ханжество, епархиальный аскетизм.

В этом наша беда»

(Кольцов 1929: 2)³.

Как представляется, именно этот фельетон спародировал Булгаков в ранней редакции своего романа, создававшейся в 1928–1931 годах. Там Воланд высмеивает Бездомного за то, что тот отказывается наступить ногой на изображение Христа, нарисованное на песке:

«— Ну, тогда вот что! — сурово сказал инженер и сдвинул брови. — Позвольте вам заявить, гражданин Бездомный, что вы — врун свинячий! Да, да! Да нечего на меня зенки тарашить!

Тон инженера был так внезапно нагл, так странен, что у обоих приятелей на время отвалился язык. Иванушка вытарашил глаза. По теории нужно бы было сейчас же дать в ухо собеседнику, но русский человек не только нагловат, но и трусоват.

— Да, да, да, нечего пялить, — продолжал Воланд, — и трепаться, братишка, нечего было, — закричал он сердито, переходя абсолютно непонятным способом с немецкого на акцент черноморский, — трепло, братишка. Тоже богоборец, антибожник. Как же ты мужикам будешь проповедовать?! Мужик любит пропаганду резкую — раз, и в два счета чтобы! Какой ты пропагандист! Интеллигент! У, глаза бы мои не смотрели!

Все что угодно мог вынести Иванушка, за исключением последнего. Ярость заиграла на его лице.

— Я интеллигент?! — обеими руками он трахнул себя в грудь. — Я — интеллигент, — захрипел он с таким видом, словно Воланд обозвал его, по меньшей мере, сукиным сыном. — Так смотри же!! — Иванушка метнулся к изображению»

(Булгаков 2006: 57–58).

Кольцов высмеивал псевдоинтеллигентного лектора-начетчика, навещающего на слушателей смертельную скуку, «кафедральную тоску» и проповедующего «постное ханжество» и «епархиальный аскетизм», которые закономерно не встречают сочувствия у народных масс. Булгаков же заставляет Воланда, подобно Кольцову, требовать от Бездомного наглядной и доходчивой агитации, способной убедить малограмотное население.

Эпизод, связанный с Кольцовым, отразился в последнем произведении Булгакова — пьесе *Ричард Первый*, задуманной в мае 1939 года (*Дневник Елены Булгаковой* 1990: 260). Единственный набросок к этой пьесе Булгаков сделал 6 января 1940 года, в период своей смертельной болезни, однако состояние здоровья не позволило продолжить работу (Там же: 389). Писатель неоднократно рассказывал содержание пьесы Е. С. Булгаковой. Вскоре после смерти Булгакова ее рассказ о *Ричарде Первом* записал друг Миха-

³ Этот номер журнала имел подзаголовок «Специальный церковный номер».

ила Афанасьевича философ и филолог Павел Сергеевич Попов (1892–1964). Фабула пьесы составляют взаимоотношения молодого, но уже знаменитого писателя и его покровителя Ричарда Ричардовича, руководителя НКВД, «всесильного человека». Вот каким Булгакову виделись финальные сцены пьесы в варианте рассказа Е. С. Булгаковой, записанного П. С. Поповым:

«И вот он замышляет побег за границу, желая с собой увезти любимую женщину. Одна из главных сцен на площадке над морем на южном побережье. Всесильный человек ведет разговор с заговорщиком. Они обдумывают план побега, беседуя самым откровенным образом. Заговорщик ушел. Всесильный человек остается один. И вдруг перед ним светящаяся точка. Это — чья-то горящая трубка. И вот всесильный человек, стоя в недоумении, думает про себя, сейчас ли этот человек только пришел или же он слышал весь разговор и не сразу зажег трубку. Оказывается, это Сталин, с которым всесильный человек близок. Сталин заговаривает с ним самым простым и спокойным тоном и спрашивает: “Покажи свой револьвер, мне что-то мой револьвер не нравится”. Всесильный человек дрожащими руками подает ему свой револьвер. Сталин поглядывает на своего собеседника, усмехается и, спокойно передавая револьвер обратно, говорит: “Ну, возьми, это хороший револьвер”. Миша думал создать эффект тем, что публика в этот момент невольно будет ожидать выстрела. Но скоро всесильного человека берут, арестовывают. Писатель об этом узнает, читая газету. Все расчеты его рушатся, авторитет его падает в связи с тем, что он дружил с человеком, заподозренным в заговоре, и ему снова приходится водвориться в своей мансарде»

(Там же: 388).

В варианте рассказа, записанного самой Еленой Сергеевной в 60-е годы XX века, после сцены с револьвером появляется мотив самоубийства Ричарда:

«Потом на сцене остаются Ричард и женщина (жена или родственница знаменитого писателя). Объяснение. Ричард, потеряв голову, выдает себя полностью, рассказывает, что у него за границей — громадные капиталы. Молит ее бежать с ним за границу. Женщина, холодная, расчетливая, разжигает его, но прямого ответа не дает, хотя и не отказывается окончательно. Ее зовут в дом, она уходит. Ричард один. Взволнован. Внезапно во тьме, у розовых кустов, загорается огонек от спички. Раздается голос: «Ричард!..» Ричард в ужасе узнает этот голос. У того — трубка в руке. Короткий диалог, из которого Ричард не может понять — был ли этот человек с трубкой и раньше в саду? — «Ричард, у тебя револьвер при себе?» — «да». — «дай мне». Ричард дает. Человек с трубкой держит некоторое время револьвер на ладони. Потом медленно говорит: «Возьми. Он может тебе пригодиться». Уходит. Занавес.

Четвертый акт. Шестая картина. За кулисами театра. Общее потрясение — известие об аресте Ричарда. О самоубийстве его ... О том, что он — враг... Пьеса летит ко всем чертям. Автор вылетает из театра»

(Там же: 316).

Очевидным прототипом шекспировского злодея Ричарда был Генрих Григорьевич Ягода (1891–1938), глава НКВД в 1934–1936 годах и один

из главных фигурантов сфальсифицированного процесса «право-троцкистского блока» в феврале — марте 1938 года, после которого он был расстрелян. Писатель же, пользующийся покровительством Ричарда, имел своим прототипом драматурга Владимира Михайловича Киршона (1902–1938), друга Ягоды, одного из секретарей РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей) и ревностного гонителя Булгакова. Женщина же, в которую влюблен Ричард, имела своим прототипом Надежду Алексеевну Пешкову (1901–1971), по прозвищу «Тимоша», жену сына А. М. Горького Максима Пешкова, а затем самого Горького. В булгаковской пьесе писатель, в отличие от Киршона, не должен был быть арестован и погибнуть. Наказанием для него становится снятие с репертуара его пьес. Киршон же был арестован 29 августа 1937 года и расстрелян 28 июля 1938 года, причем после ареста его подсаживали в камеру к Ягоде в качестве «наседки» — внутрикамерного осведомителя. Последний раз имя Киршона упоминается в дневнике Е. С. Булгаковой 25 сентября 1937 года: «Слух, что арестован Киршон. М. А. этому не верит» (Там же: 168). Поскольку об аресте, а тем более о расстреле Киршона в газетах не сообщалось, Булгаков, по всей видимости, не поверил слуху об аресте Киршона и думал, что наказание протеже Ягоды ограничилось изгнанием из партии и из всех руководящих литературно-театральных органов, а также снятием с репертуара всех его пьес. Поэтому восходящего к Киршону персонажа пьесы Булгаков предполагал оставить в живых и на свободе.

Но Ягода не был единственным прототипом Ричарда. Другим его прототипом был Кольцов, потому что колоритный эпизод с револьвером мог относиться только к Кольцову. Обратимся к дневнику Михаила Яковлевича Презента (1898–1935), помощника секретаря Президиума ЦИК Союза ССР Авеля Софроновича Енукидзе и ответственного секретаря редакции журнала ЦИК СССР *Советское строительство*. Он был арестован 11 февраля 1935 года по «кремлевскому делу» (ряд служащих Кремля был обвинен в заговоре) и в 1935 году умер в тюрьме от диабета. В записи от 25 февраля 1929 года Презент зафиксировал весьма нелестную характеристику, данную Кольцову редактором журнала *Советское строительство* Ю. М. Стекловым: «Рассказываю Стеклову, что в последнем номере “Чудак” нарисован Рязанов (Д. Б. Рязанов (Гольдендах) (1870–1938), академик, директор Института Маркса — Энгельса — Ленина, расстрелян. — Б. С.), а под рисунком “советский громкоговоритель, установленный в конференц-зале Академии наук”. — Не давайте мне этого журнала. Не могу видеть творения Михаила Кольцова. Во Франции, знаете, есть журналисты, которых называют “револьверными”. Они в погоне за сенсацией готовы пойти под револьвер, нож, верёвку. Отличие Кольцова от таких журналистов то, что он хочет быть «револьверным» журналистом, но без всякого риска в работе» (Презент). Сталин, которому дневник Презента глава

НКВД Г. Г. Ягода передал сразу после ареста Михаила Яковлевича, внимательно ознакомился с ним и сохранил его в своем архиве, хорошо запомнил эти строки. И в 1938 году вернувшемуся из Испании Кольцову Иосиф Виссарионович задал странный, на первый взгляд, вопрос: «У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?» — «Есть, товарищ Сталин», — ответил удивлённый редактор *Огонька*. «Но вы не собираетесь из него застрелиться?» — «Конечно, нет. И в мыслях не имею». — «Ну, вот и отлично, — заключил Сталин. Ещё раз спасибо за интересный доклад, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель». Кольцов был в недоумении и рассказал об этом своему брату художнику Борису Ефимовичу Ефимову (Сопельняк 2001, 1: 249).

Несомненно, рассказ Кольцова об эпизоде с револьвером дошел и до Булгакова. Он, как и Борис Ефимов и другие слушатели этого рассказа, не могли знать про дневник М. Я. Презента, и, следовательно, не воспринимали это как сталинскую шутку, каковыми слова Сталина и были на самом деле. Таким образом Иосиф Виссарионович просто с иронией проиллюстрировал отзыв Ю. М. Стеклова о Кольцове как о «револьверном» журналисте. Булгаков же и другие полагали, что в сталинском вопросе Кольцову о револьвере содержались как скрытая угроза, так и намек на то, что Михаилу Ефимовичу лучше было бы застрелиться. Поэтому Михаил Афанасьевич не сомневался не только в том, что Кольцов действительно был арестован, но и в том, что ему не суждено было выйти живым из сталинских застенков. Кроме того, Булгаков, по всей вероятности, был уверен, что Кольцов так или иначе связан с НКВД. Было широко известно, в том числе благодаря его *Испанскому дневнику*, о пребывании Кольцова в Испании во время гражданской войны в 1936–1938 годах, где он обладал большими полномочиями, явно выходящими за рамки полномочий спецкора «Правды». Кроме того, он неоднократно выполнял деликатные поручения за границей, в том числе контактируя с белоэмигрантами. Все это заставляло предполагать наличие связей Кольцова с НКВД. Вероятно, поэтому сюжет, в реальности относящийся к Кольцову, Булгаков в своей последней пьесе собирался связать с персонажем, прототипом которого послужил шеф НКВД Ягода.

На самом деле Кольцов был арестован и расстрелян из-за того, что был любовником второй жены главы НКВД Николая Ивановича Ежова (1895–1940) Евгении (Суламифь) Соломоновны Ежовой (Гладун, Хаютиной, урождённой Фейгенберг) (1904–1938), покончившая с собой по настоянию мужа накануне отставки Ежова с поста наркома внутренних дел. По всей вероятности, Кольцова решили привлечь в число участников выдуманного следствием «заговора Ежова». Кольцова и Ежова расстреляли с разницей в 2 дня — соответственно 2 и 4 февраля 1940 года (см. Соколов 2022: 285–297). Неизвестно, знал ли Булгаков о связи Кольцова с женой Ежова. Но в любом случае Михаил Афанасьевич не сомневался, что Кольцова погубила, среди прочего, близость к новому наркому внутренних дел. Ведь еще 9 марта 1938 года Кольцов опубликовал в *Правде* в рубрике «Из зала

суда» фельетон «Кровавый пес Ягода», апологетический по отношению к Ежову. Там, в частности, говорилось:

«Ягода организовал у себя лабораторию ядов. Он хотел, этот выродец, отравить Николая Ивановича Ежова! И уже начал это делать.

Он лично проинструктировал своего слугу Саволайнена, как опрыскивать ядом комнаты товарища Ежова, и яд начал действовать в то самое время, когда чудесный негнибачимый большевик, дни и ночи не вставал из-за стола, стремительно распутывал и резал нити фашистского заговора!

Грязный палач, шпион Ягода успел нанести вред здоровью верного сына советского народа товарища Ежова. Разве за одно это преступление, только за одно это, не стоило бы трижды расстрелять кровавую собаку Ягуду?!

Зловещее преступление было предотвращено. Большевистский нарком Николай Ежов, рискуя жизнью, разгромил все гнезда фашистского заговора. Преступники разоблачены, раздавлены, частью уничтожены, частью будут достреляны, как взбесившиеся хищные животные. Но они кое-что успели совершить. <...>

<...> Отсюда, из кабинета Ягоды, по решениям кровавого блока, были подготовлены и осуществлены убийства Куйбышева, Менжинского, Максима Горького. Даже тихий, скромный Максим Пешков был безжалостно убит, как только встретился на пути низких страстей ненасытного, кровожадного Ягоды»

(Кольцов 1938: 5).

Вероятно, именно этот фельетон вдохновил Булгакова на то, чтобы поместить Ягуду и Саволайнена в качестве последних отравителей на Великом бале у сатаны в *Мастере и Маргарите* (благо, стенограмма процесса «право-троцкистского блока» публиковался в той же *Правде*), а упомянутое в фельетоне убийство Максима Пешкова, будто бы подготовленное Ягодой из-за страсти к Тимоше, возможно, подсказало линию Ричарда и его возлюбленной в замысле последней булгаковской пьесы. В булгаковском романе читаем:

«По лестнице подымались двое последних гостей.

— Да это кто-то новенький, — говорил Коровьев, щурясь сквозь стеклышко, — ах да, да. Как-то раз Азazelло навестил его и за коньяком нашептал ему совет, как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом.

— Как его зовут? — спросила Маргарита.

— А, право, я сам еще не знаю, — ответил Коровьев, — надо спросить у Азazelло.

— А кто с ним?

— А вот этот самый исполнительный его подчиненный»

(Булгаков 2000, 9: 404).

Согласно показаниям Павла Петровича Буланова (1895–1938), личного секретаря Ягоды в бытность его главой НКВД, после назначения Н. И. Ежо-

ва в сентябре 1936 года на пост наркома внутренних дел Ягода будто бы опасался, что Ежов сможет выявить его роль в организации убийства главы ленинградских большевиков С. М. Кирова (Кострикова) (1886–1934) 1 декабря 1934 года, и решил устроить покушение на Ежова. Вот что утверждал на суде бывший секретарь Ягоды:

«Когда он (Г. Г. Ягода. — Б. С.) был снят с должности наркома внутренних дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету, здания НКВД, там, где должен был работать Николай Иванович Ежов. Он дал мне лично прямое распоряжение приготовить яд, а именно взять ртуть и растворить ее кислотой. Я ни в химии, ни в медицине ничего не понимаю, может быть, путаюсь в названиях, но помню, что он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, запаха и что-то в этом духе. Это было 28 сентября 1936 г. Это поручение Ягоды я выполнил, раствор сделал. Опрыскивание кабинета, в котором должен был сидеть Ежов, и прилегающих к нему комнат, дорожек, ковров и портьер было произведено Саволайненом в присутствии меня и Ягоды» (4).

Ягода и Буланов, как и большинство других подсудимых, были приговорены к смертной казни и расстреляны 15 марта 1938 года. В 1939–1940 годах во время следствия по делу Ежова было установлено, что «ртутное отравление» он сам и организовал, чтобы повысить свой вес в глазах Сталина. По приказу Ежова начальник контрразведывательного отдела НКВД Н. Г. Николаев-Журид, проконсультировавшись со специалистами об условиях действия ртути, втёр ртутный раствор в обивку мягкой мебели в кабинете наркома, а затем отдал кусочек ткани на лабораторный анализ. В подготовке покушения Николаев-Журид и Ежов обвинили сотрудника секретариата НКВД вахтера-курьера Ивана Михайловича Саволайнена, которому подбросили банку с ртутью. После допроса с побоями Саволайнен во всём сознался и 14 августа 1937 года был расстрелян, поэтому допросить его на процессе «право-троцкистского блока» не было никакой возможности (Петров — Янсен 2009: 75–77).

Булгаков неслучайно не назвал в романе по имени не только уже расстрелянного Ягоды, но и Ежова. К тому времени, когда он заканчивал работу над *Мастером и Маргаритой*, стало ясно, что Ежов попал в опалу и что его, скорее всего, постигнет та же судьба, что и Ягodu. Он не был избран делегатом на XVIII съезд партии в марте 1939 года и, соответственно, перестал быть членом ЦК ВКП(б) и кандидатом в члены Политбюро, а перед арестом, последовавшим 10 апреля 1939 года, лишился своей последней должности, наркома водного транспорта. А за несколько дней до ареста в учреждениях стали снимать его портреты. Соответственно, Булгаков мог не сомневаться в аресте и последующем расстреле Ежова, что также предопределило печальную судьбу Михаила Кольцова.

⁴ Процесс антисоветского «право-троцкистского блока». Вечернее заседание 8 марта (Допрос подсудимого Буланова 1938: 2).

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров Александр. «Вечный странник. Католическая легенда». *Нива* 22 (1918): 344–347.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. В 10 т./Сост., комментарии подготовка текста В. В. Петелина. М.: Голос, 2000.
- Булгаков Михаил. «Мой бедный, бедный мастер...». *Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита»*/Подготовка издания В. И. Лосева. Москва: Вагриус, 2006.
- Булгаковы М. А. и Е. С. *Дневник Мастера и Маргариты*/Сост., предисл., коммент. В. И. Лосева. Москва: Вагриус, 2004.
- Дневник Елены Булгаковой*/Сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской. Москва: Издательство «Книжная палата», 1990.
- «Допрос подсудимого Буланова». *Правда* 68 (1938): 2.
- Кольцов Михаил. «Кровавый пес Ягода». *Правда* 67 (1938): 5.
- Кольцов Михаил. *Фельетоны и рассказы*. Пермь: Пермское книжное издательство, 1987.
- М. А. Булгаков. *Аннотированный библиографический указатель*. Т. 1. 1919–1940 / Сост.: М. В. Мишуровская, Е. И. Алексеенкова, И. С. Ефимова, Ю. Г. Слизун. Москва: РГБИ, 2017.
- «Москва — сегодня». *Вечерняя Москва* 30 (1927): 3.
- Петров Никита, Янсен Марк. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) — Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009: 75–77.
- Презент Михаил. *Дневник //Прожито*, <https://prozhito.org/notes?date=%221928-01-01%22&diaries=%5B425%5D>
- Соколов Борис. *Николай Ежов и советские спецслужбы*. Москва: Вече, 2022.
- Сопельняк Борис. *Голгофа XX века*. В 2 тт. Москва: Терра-Книжный клуб, 2001.
- «Театр и Кино. “Дни Турбиных” и “Любовь Яровая” (Диспут в пользу трудкоммуны при газете “Правда”». *Вечерняя Москва* 33 (1927): 3.

REFERENCES

- Amfiteatrov Aleksandr. «Vechnyj strannik. Katolicheskaya legenda». *Niva* 22 (1918): 344–347.
- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. V 10 t./Sost., komentarii podgotovka teksta V. V. Petelina. M.: Golos, 2000.
- Bulgakov Mihail. «Moj bednyj, bednyj master...». *Polnoe sobranie redakcij i variantov romana «Master i Margarita»* / Podgotovka izdaniya V. I. Loseva. Moskva: Vagrius, 2006.
- Bulgakovy M. A. i E. S. *Dnevnik Mastera i Margarity* / Sost., predisl., komment. V. I. Loseva. Moskva: Vagrius, 2004.
- Dnevnik Eleny Bulgakovoj* / Sost., tekstol. podgot. i komment. V. Loseva i L. Yanovskoj. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata», 1990.
- «Dopros podsudimogo Bulanova». *Pravda* 68 (1938): 2.
- Kol'cov Mihail. «Krovavyy pes Yagoda». *Pravda* 67 (1938): 5.
- Kol'cov Mihail. *Fel'etony i rasskazy*. Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987.
- M. A. Bulgakov. *Annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel'. T. 1. 1919–1940* / Sost.: M. V. Mishurovskaya, E. I. Alekseenkova, I. S. Efimova, Yu. G. Slizun. Moskva: RGBI, 2017.
- «Moskva — segodnya». *Vechernyaya Moskva* 30 (1927): 3.
- Petrov Nikita, Yansen Mark. «*Stalinskij pitomec*» — *Nikolaj Ezhov*. Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) — Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, 2009: 75–77.
- Prezent Mihail. *Dnevnik //Prozhito*, <https://prozhito.org/notes?date=%221928-01-01%22&diaries=%5B425%5D>
- Sokolov Boris. *Nikolaj Ezhov i sovetskie spetsluzhby*. Moskva: Vechе, 2022.

Sopel'nyak Boris. *Golgofa XX veka*. V 2 tt. Moskva: Terra-Knizhnyj klub, 2001.
 «Teatr i Kino. "Dni Turbinyh" i "Lyubov' Yarovaya" (Disput v pol'zu trudkommuny pri gazete
 "Pravda"». *Vechernyaya Moskva* 33 (1927): 3.

Борис Соколов

МИХАИЛ КОЉЦОВ У СТВАРАЛАШТВУ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Резиме

У раду се доказује да је Михаил Кољцов послужио као један од прототипова Михаила Александровича Берлиоза у *Мајстору* и *Маргарити*, што је посебно било у вези са Кољцовљевим антирелигиозним публикацијама, које су, могуће, нашле свој одраз у раним редакцијама Булгаковљевог романа, у којем је Берлиоз такође носио презиме Мирцев, које је Булгаков вероватно позајмио из повести Н. С. Тихонова *Марљиви људи*. Износи се претпоставка да је Булгаков уврстио Кољцова на листу својих непријатеља због негативне критике на једној од расправа о представи *Дани Турбина*. Такође се доказује да се епизода Стаљиновог разговора са Кољцовом о револверу, испровоцирана дневником М. Ј. Презента, одразила у последњој Булгаковљевој драми *Ричард Први*, коју Булгаков није стигао да напише због болести и смрти, а у којој је прототип главног јунака био шеф НКВД Генрих Јагода. Доказује се да је фељтон Кољцова „Крвави пас Јагода“, уз транскрипт процеса „десно-троцкистичког блока“, послужио као извор, како за *Мајстора* и *Маргариту*, тако и за *Ричарда Првог*.

Кључне речи: Михаил Булгаков, Михаил Кољцов, *Дани Турбина*, *Мајстор* и *Маргарита*, процес „десно-троцкистичког блока“, „Крвави пас Јагода“, часопис *Чудак*, прототип.